

СЮЗАННА ЭНОК

Укрощение
строптивой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э66

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Suzanne Enoch

TAMING AN IMPOSSIBLE ROGUE

Перевод с английского У. Сапциной

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Энок, Сюзанна.

Э66 Укрощение строптивой : [роман] / Сюзанна Энок ;
[пер. с англ. У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-105336-9

Год назад юная Камилла Прайс самым скандальным образом сбежала из-под венца, не желая выходить за незнакомого ей человека, который даже не дал себе труда представиться невесте до свадьбы. Более того, она окончательно погибла в глазах общества, поступив на службу в игорный клуб!

Однако упрямый жених не отступает: более того, он разрабатывает хитрый план спасения беглянки, ради чего подсылает к ней завсегдатая клуба — своего неотразимого красавца кузена Китинга Блэквуда. И тут-то случается небольшая неожиданность: Китинг, очарованный Камиллой, принимается энергично спасать ее не в пользу другого, а исключительно для самого себя!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Suzanne Enoch, 2012

© Перевод. У.В. Сапцина, 2017

ISBN 978-5-17-105336-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Китинг Блэквуд пробудился ото сна с внезапностью ружейного выстрела. В комнате кто-то был. Тот, кого он не звал.

Не открывая глаз, Китинг осторожно пошевелился, чтобы сунуть руку под подушку, и стиснул пальцы на рукоятке спрятанного там ножа.

— А известно ли вам, что уже полдень? — послышался чей-то голос.

Разжав пальцы, Китинг открыл глаза и сел. В полумраке спальни он едва различал фигуру, направлявшуюся к ближайшему окну, скрытому за плотными темными шторами.

— Минутку. Нет!.. — Слепящий дневной свет ворвался в комнату. И казалось, луч солнца вонзился Китингу в череп.

— Черт подери, Фентон! — рявкнул он, зажмурившись. — Какого дьявола? Что вы здесь делаете?!

— Ищу вас. Мне необходима ваша помощь.

— Тогда задерните эти треклятые шторы и посидите в гостиной, пока я не выйду к вам.

— Замечательно. Кстати, фонарь под глазом, которым вы щеголяете, просто бесподобен.

— Видели бы вы его автора!

Зашуршала тяжелая ткань, и в спальне снова стало темно. Когда Китинг снова открыл глаза, яркие алые точки по-прежнему роились перед ними, но по крайней мере он уже не чувствовал настоятельной потребности вывернуться наизнанку.

— И попросите Барнса принести чаю, да пусть возьмет чайник побольше, — добавил Китинг, прижимая край ладони к вискам.

— Я не хочу чаю.

— Зато я хочу. Ступайте!

Оставшись в спальне один, Китинг разыскал в шкафу рубашку и брюки, которые надевал, стараясь не делать резких движений. Сапоги стояли у двери, но он пренебрег ими, так же как сюртуком и жилетом, еще с вечера заботливо выложенными для него Пиджоном. Бросив взгляд в сторону двери, он немного помедлил, затем взял свежевыглаженный шейный платок и повязал им голову (при толике везения эта повязка не даст разлететься на куски его черепу вместе со всем содержимым). Видит бог, пора отказаться от привычки пить русскую водку — или чем там его напоили накануне.

— Решили податься в пираты? — осведомился Фентон, когда Китинг, пошатываясь и держась за стены коридора, наконец-то доплелся до гостиной. — Могли бы надеть хотя бы шлепанцы...

— У меня их нет. — Китинг доковылял до дальнего окна, задернул шторы и уселся напротив кузена. — Рискую показаться недоверчивым, все же спрошу: с чего вдруг вам понадобилась моя помощь? Только будьте любезны — покороче. Я в любую минуту могу испустить дух.

— Зачем мне понадобилась ваша помощь? — переспросил Стивен Поллард, маркиз Фентон, не сводивший с Китинга глаз. — Понимаю, вы избегаете Лондон. Но ведь на верняка читаете газеты...

— Да, Лондон избегаю. Да и какого дьявола мне читать о нем?

Барнс внес поднос с чайной посудой, тут же наполнил чашку и, положив в нее пять кусочков сахара, подал хозяину.

— Благодарю, — кивнул Китинг дворецкому и медленно, с наслаждением сделал большой глоток.

— К чему эти хлопоты с чаем? — Фентон пожал плечами. Налив себе чаю, он подчеркнуто церемонно положил в чашку один-единственный кусочек сахара.

Китинг сделал еще глоток. Чай был слишком горячий и сладкий, как сироп.

— А я думал, вы не хотите чаю, — пробормотал он.

Его кузен перевел взгляд на свою чашку и слегка поморщился, отставляя ее.

— Я и впрямь не хочу. Просто попытался выразить свое мнение. Насчет сахара.

— Да, я заметил, — отозвался Китинг. — И был уязвлен до глубины души.

— Мне казалось, сладкий чай, выпитый утром, точнее — в полдень, с похмелья, способен убить любого, — заметил гость.

— Мне с избытком хватило времени и возможностей для опытов. Так вот, сладкий чай очень помогает. Изредка. — Китинг вздохнул и проворчал: — Стало быть, вы не прочь побеседовать о чае? — Он отпил еще глоток, но без особой надежды на то, что резкая боль в голове притупится.

— Вовсе нет. — Кузен покачал головой.

— Вот и хорошо. Потому что это означало бы, что вы проделали долгий путь без сколько-нибудь значительной причины. Может быть, перейдем к делу?

Фентон свесил кисти рук между коленями.

— Да, разумеется. Вы помните лорда и леди Монтшир, а также то дурацкое соглашение, которое они заключили с моими родителями?

Тут Китинг вдруг ухмыльнулся и проговорил:

— Боже, так ей что, уже двадцать один год? И вас коробит при мысли о том, что вы скованы, словно кандалами, с юной девицей, которую ни разу в жизни не видели? Рекомендую вам закрыть глаза и думать... об Англии.

— Ей уже двадцать два. — Маркиз нахмурился. — И если уж на то пошло... Знаете, меня вполне устраивала возможность не тратить прошедшие восемь лет, ухаживая при дворе за другими юными девицами. И вообще, было приятнее воздерживаться от всей этой галантной чепухи. Что может быть удобнее, чем просто назначить дату, явиться в церковь, а потом обзавестись наследником?

— Вас послушать, так семейная жизнь кажется столь же привлекательной, как надгробие. — Китинг снова ухмыльнулся и тут же поморщился, осторожно потрогав пальцем синяк под глазом. Припухлость вроде бы немного уменьшилась. А вчера даже глаз не открывался. — И в чем же тогда состоит ваше затруднение? Или мне самому догадаться? Вы встретились с ней и обнаружили, что она вылитая гарпия? У нее косоглазие? Всего одна нога? У нее...

— Может, замолчите наконец? — перебил маркиз.

— Я просто пытаюсь догадаться... — Китинг пожал плечами.

— Так вот, она весьма миловидна. Чуть больше года назад мой поверенный отвез ей бумаги, и она, а также ее родители, расписались везде, где требовалось. Затем мы дали объявление в газетах, и я прибыл в церковь. Даже вас пригласил посетить церемонию — что, не помните?

— Неужели?.. — Китинг снова пожал плечами. Приглашение, должно быть, затерялось где-то среди пространных писем Фентона — страниц на десять каждое (как будто ему было хоть какое-то дело до того, кто пригласил его кузена на обед и какой именно герцог благосклонно кивнул в его сторону). — Больше года, говорите? И что же дальше?

— Девица сбежала.

Китинг ожидал услышать известие о какой-либо трагедии или иной превратности судьбы, но, услышав такой ответ, в растерянности заморгал.

— Сбежала?.. — переспросил он. — То есть расхотела выходить за вас замуж?

— Если точно, то произошло вот что... Она появилась в дверях церкви в прелестном белом наряде, а потом вдруг развернулась — и бросилась бежать. При этом опрокинула канделябр и чуть не спалила церковь.

Долгую минуту Китинг молча смотрел на кузена. Они росли почти как братья, но за последние лет десять успели отдалиться друг от друга. «Между участью сына маркиза и сына младшего брата маркиза есть кое-какая разница», — часто повторял Стивен. Для Китинга это означало следующее: едва

осознав, что ему предстояло унаследовать титул, состояние и земли, Стивен стал настолько высокомерным и нетерпимым, что не выносил присутствия низших рядом с собой. И он, Китинг, навсегда был причислен к этим «низшим».

— Мм... поскольку вы довольно... приятны внешне, — проговорил он, немного щурясь даже в приглушенном свете гостиной, — вдобавок вы маркиз и обладатель состояния, которым сначала похваляетесь, а потом отказываетесь дать мне займы, то тогда... Тогда остается лишь спросить: не напугали ли вы ее каким-нибудь неосторожным словом?

— Напугал? Зачем мне ее пугать? Да и *как* я мог ее напугать, если ни разу даже словом не перемолвился с этой девицей?

— Ни единым словом?

— Несколько раз я видел ее издалека, но... — Фентон развел руками. — Вы ведь знаете, я не из речистых. Не умею очаровывать дам беседой, как вы.

— Сумели бы, если бы удосужились хоть изредка держаться не так чопорно и прямо, словно проглотили палку от метлы. И не надо смотреть на всех свысока, — добавил Китинг.

— Для оскорблений нет никакой причины, сэр. Я — это я, а вы — это вы.

«Подобное заявление не предвещает ничего хорошего», — со вздохом подумал Китинг и, немного помолчав, проговорил:

— Поскольку ее уже согласились отдать вам в жены, Фентон, я бы предположил, что далеко она не ушла. Пожалуй, вам стоило бы написать ей письмо или же — это всего лишь предположение! — поговорить с ней и выяснить, что же, собственно, произошло.

— Я бы так и сделал, но, увы, моя невеста и в самом деле ушла далеко. Сначала исчезла, а потом, когда появилась... Оказалось, что она... нашла работу, — с возмущением проговорил маркиз.

Китинг едва не расхохотался. Смех душил его, но он все же сдержался и, изобразив удивление, спросил:

— Работу? Какого рода? Стала компаньонкой какой-нибудь леди? Уж наверняка не актрисой. Это было бы чересчур...

— Работу в клубе «Тантал».

— «Тантал»? А это что еще такое?.. — пробормотал Китинг, теперь уже с искренним удивлением.

Неужели Лондон за время его отсутствия окончательно погряз в трясине порока? Хм... Такого он не ожидал. Ему казалось, что после его отъезда многие попытаются превратиться в святых — хотя бы из опасения, как бы их не сравнили с ним.

— Боже милостивый, да вы и впрямь сделались отшельником, — проворчал маркиз.

Китингу вдруг стало совсем не до смеха. Отставив свою чашку, он поднялся.

— Поскольку вам известно, почему я здесь нахожусь, могу лишь пожелать вам удачи в ваших устремлениях, — отчеканил Китинг. — И, если позволите, маленький совет: попытайтесь выказать хотя бы толику... гуманизма, если отзывчивость вам не под силу. А теперь вон из моего дома.

— Проклятье, Китинг! Ведь шесть лет уже прошло... Я и не подозревал, что рана еще настолько свежа. Вы... — Фентон откашлялся. — Уж простите меня. Просто клуб «Тантал» известен всем и каждому. Он предмет очередного повального увлечения всего Лондона. Леди Камерон — точнее, теперь уже леди Хейбери — открыла этот проклятый клуб меньше года назад. И она берет на работу только девиц.

Тяжко вздохнув, Китинг сел на место. Фентон никогда не интересовался никем, кроме собственной персоны, и нынешнее фиаско наглядно свидетельствовало о том, что маркиз и не думал изменять своим привычкам. Но если Стивену требовалась помощь... Что ж, это могло пойти на пользу беспутному кузену маркиза.

— Значит, Хейбери женился?

— Да. На вдове графа Камерона. — Фентон нахмурился. — Но не уклоняйтесь от разговора. У нас речь о моей невесте.

Китинг стиснул зубы и кивнул.

— Что ж, прекрасно. Итак, клуб «Тантал». Это что, публичный дом? — предположил он, считая, что маркиз Хейбери не побрезговал бы и таким предприятием. — Но если туда попала ваша нареченная, то вам лучше поискать другую.

Лицо маркиза побагровело.

— Нет, не публичный дом, будь он проклят! Но вы не первый, кто предполагает такое...

— Интуиция, мой друг. И не только моя. Так что поищите будущую леди Фентон где-нибудь в другом месте.

С силой хватив кулаком по подлокотнику своего кресла, Фентон, нахмурившись, проворчал:

— Если ее... обесчестили, я так и сделаю, поищу другую. Но это заведение безумно популярное, престижное и элитарное, и джентльмены — члены клуба — клянутся и божатся, что там все пристойно и законно. Но я-то стал посмешищем. Ведь получается, что дочь графа Монтшира согласна зарабатывать себе на хлеб, обслуживая равных мне, лишь бы только не выходить за меня замуж. Ей даже не хватило приличия скрыться где-нибудь в провинциальной глуши, где про нее вскоре все забыли бы. Вот что она со мной сделала!

— Так заберите ее оттуда.

— Об этом я уже думал. Но, во-первых, леди Хейбери отказалась впустить меня в клуб «Тантал» даже в качестве гостя какого-нибудь другого посетителя. Меня внесли в черный список. Меня!.. А во-вторых... Видите ли, я понятия не имею, как вести себя с настолько... неуступчивой и эгоистичной особой. И, наконец, в-третьих: я не знаю, как должен действовать. Я хочу вернуть ее в ту церковь — да в какую угодно! — и привести к алтарю, хочу, чтобы она была признательна за то, что ей представился второй шанс...

— То есть хотите, чтобы она немного присмирела? — перебил Китинг.

— Да, разумеется. Ведь она совершила ошибку. Чудовищную ошибку. А я готов дать ей еще одну возможность — ради ее будущего и...

— Чтобы над вами перестали смеяться?

— Да, и ради этого тоже, — кивнул Фентон. — Кому, как не вам, знать, что второй шанс выпадает редко? Она могла бы вернуть себе благосклонность своих родных, вести достойную, комфортную жизнь и обеспечить такое же будущее своим детям. Ведь я не жестокий человек. Да, я, пожалуй, немного высокомерен, но если маркиз в девятом поколении не гордится этим фактом, тогда ему лучше быть простым фермером.

Китинг невольно окинул взглядом гостиную своего маленького уютного пристанища. Хэверд-Глен напоминал фермерский дом, хотя и не являлся таковым. А сам Китинг настриг уже достаточно овец, чтобы удостоиться титула фермера-джентльмена.

— Да, безусловно, — кивнул он.

— Так вот, я хочу лишь сказать, что с ее стороны разумнее не упускать второй шанс, — добавил маркиз. — Потому что третьего не будет.

Китинг уже это понял. И был всерьез обеспокоен тем, что кузен, похоже, прекрасно знал, как воздействовать на него, и без колебаний пускал в ход уловки. Следовательно, все ясно: ему необходимо получше скрывать давние раны, пока кто-нибудь еще не попытался посыпать на них солью.

Какое-то время Китинг молча смотрел на шторы, прикрывавшие окно. Наконец объявил:

— Я хочу получить кое-что взамен.

— Я так и думал, — кивнул маркиз. — Видимо, имеются в виду те пять тысяч фунтов, о которых вы просите меня уже четыре года.

— Пожалуй, этого хватит... — Хм... такой готовности он не ожидал. А значит, Фентон хотел вернуть леди Камиллу Прайс во что бы то ни стало. — Да, наверное, хватит, если присовокупить к ним еще пять тысяч фунтов.

Фентон в растерянности заморгал:

— Десять тысяч за то, чтобы доставить девицу в церковь?! Нет, не согласен.

— Но это будет не так-то просто, если вспомнить, что девица сбежала от вас уже больше года назад, — заметил Китинг. — Если же вам кажется, что цена слишком велика... Что ж, можете обратиться за помощью к кому-нибудь другому.

— Проклятье, Китинг! Вы, между прочим, негодяй.

— Да, мне об этом уже говорили. Так что, по рукам?

— Лучше бы вы сняли с головы этот свой платок. Он, знаете ли, не внушает доверия...

— А я и не собирался внушать вам доверие. Не забывайте, это вы явились ко мне с визитом, а не я к вам. И мне вполне достаточно того, что я сижу здесь босиком и смотрю на вас в ожидании, когда вам надоест осыпать меня оскорблениями и вы наконец удалитесь.

— Но вы же только что сказали, что возьметесь за это дело, разве не так? Только без огласки. Я никому не доверяю так, как моему кузену.

— Скверная репутация которого способна затмить даже вашу репутацию посмешища, — с ухмылкой заметил Китинг.

— Вот именно. Хотя... Сомневаюсь, что кто-то вообще помнит, что мы с вами кузены. По крайней мере, я на это надеюсь. Но ваше присутствие... отвлечет нежелательное внимание от моей персоны.

— И все будут глазеть лишь на меня. — Китинг со вздохом закрыл глаза. — Так вот, ни на какие уступки я не пойду, Стивен. Десять тысяч фунтов — вот так-то. И ведь вам известно, что мне можно доверять, не так ли?

Тяжело вздохнув, маркиз поднялся и протянул Китингу руку.

— Согласен, черт побери. Десять тысяч фунтов через двадцать четыре часа после того, как я стану женатым человеком.

Китинг тоже встал и пожал кузену руку.

— Но мне нужна расписка. И я рассчитываю, что вы будете выполнять мои указания. Потому что уже ясно, что по-

лагаться на самого себя, когда речь идет о леди Камилле, вам не стоит.

— Да-да, расписка будет. И я сделаю все, что вы скажете. Так что к пятнице перебирайтесь в Лондон.

— А вы приготовьте соглашение мне на подпись к моменту моего приезда. Иначе я уеду обратно, — проговорил Китинг.

После ухода Фентона он почти в полной темноте сел допивать чай. Значит, предстояло вернуться в Лондон... А ведь он поклялся, что не сделает этого никогда. Леди Камилла Прайс только что доставила ему массу хлопот и неудобств, и в то же время она могла вернуть ему веру, которую он утратил шесть лет назад. Веру в искупление.

Глава 2

— Кто это вон там, за столом, рядом с герцогом Уоллингем?

Леди Камилла Прайс нахмурилась, оторвавшись от утреннего плана размещения гостей.

— Люсиль, советую тебе заняться делом и заучить, где кто должен сидеть, а не напрашиваться на неприятности.

Миниатюрная брюнетка вспыхнула.

— Я только спросила, кто он такой.

— Лорд Патрик Элдер, — ответила Камилла. — У него уже есть жена и две любовницы. Сомневаюсь, что он ищет третью.

— Камми!

— Я нисколько не шучу. И вижу, что мистер Алвинг за столиком у окна хмурится. Ступай, улыбнись ему и спроси, чем мы можем его порадовать.

Люсиль прикусила губу.

— За каким, говоришь, он столиком?

«О боже!» — мысленно воскликнула Камилла. С трудом сдерживаясь, она протянула подруге план размещения гостей.

— Вскоре ожидается и лорд Блансфилд. Он один из основателей клуба, так что проводи его к одному из зарезер-

виюванных столиков. Только не возле двери, он очень чувствителен к сквознякам.

— Но...

— Люсиль, от тебя в настоящий момент требуется только одно — улыбаться и помнить, что ты работаешь, а не пытаешься найти себе мужа или хоть кого-нибудь, кто купит тебе украшений.

Получилось, пожалуй, чересчур резко и строго, но, проработав три утра вместе с Люсиль Хэмптон, Камилла начинала подозревать, что этой девушке больше подошла должность, на которой ей не пришлось бы указывать джентльменам их столики. А еще лучше — если бы ей поручили только хлопать ресницами и хихикать.

Камилла подавила вздох. Еще год назад она боялась даже собственной тени — не говоря уж о чужих. Вспомнив, как леди Хейбери не только приютила ее, но и дала возможность обеспечивать себя, не задирая юбки, Камилла решила потерпеть Люсиль еще несколько дней, пока та не освоится со своими обязанностями в клубе «Тантал». Следовало дать девушке шанс. Порой крошечного шанса было достаточно, чтобы сотворить чудо.

— Мистер Алвинг, — сказала она, подходя к одному из столиков, — мне сообщили, что наш шеф-повар сегодня испек несколько восхитительных пирогов с персиками. Может быть, приберечь один для вас?

Дядя графа Массинга прищурился и пробурчал:

— Осведомленность здешних девиц о наших тайнах поистине удивительна.

Камилла улыбнулась.

— Только о гастрономических тайнах, — сказала она и мысленно добавила: «А также о тайнах, связанных с проигрышами в азартные игры и политикой». Кроме того, она знала кое-какие постельные тайны, и ей также было известно, кто с кем прятельствует или враждует. Но вести подобные разговоры с членами клуба она не собиралась. — Пирог подадут вам к тому времени, как вы успеете доестъ яйца пашот.

Отправив заказ на кухню, Камилла несколько минут наблюдала, как Люсиль рассаживала за столами очередную компанию гостей. Ресницами она хлопала по-прежнему глуповато, но, видимо, эта ее привычка была неистребима. Судя по тому, что рассказывала Люсиль о своей жизни до клуба «Тантал», она жила с матерью, жаждавшей мужского внимания до такой степени, что даже к родной дочери относилась как к опасной сопернице.

Камилла снова вздохнула, обводя взглядом зал, где еще с десяток девушек разносили блюда, разливали напитки или же просто прохаживались между столиками, предлагая засидевшимся джентльменам перейти в еще более комфортабельный игорный зал по соседству.

Все эти девушки стали ее подругами, когда она уже думала, что потеряла последнюю надежду подружиться хоть с кем-нибудь. За прошлый год они превратились в ее приемную семью. Все они сбежали от прошлого по разным причинам и нашли приют в самом неожиданном месте. Камилла мысленно еще раз возблагодарила Небеса за клуб «Тантал». И Небеса, и леди Хейбери. Возблагодарила за то, что позволила ей работать по утрам, когда гости были еще сравнительно трезвы и при виде ее придерживали язык, а не высказывали все, что приходило в голову.

И как раз в тот момент, когда она думала об этом, чьи-то пальцы ущипнули ее пониже спины, причем очень больно.

Камилла вскрикнула и резко обернулась. Сжав кулаки в мгновенном порыве гнева, она уставилась на весьма упитанного и круглого как шар мужчину, беззастенчиво разглядывавшего ее грудь.

— Прекратите сейчас же! — выпалила она.

Мужчина вскинул бровь.

— Не порть свою хорошенькую мордашку разговорами, — велел он. — Лучше посиди со мной, и я объясню, в чем твое очарование.

— Фарнесс, довольно. — К негодяю подошел другой мужчина — насколько помнила Камилла, это был Артур

Смайт. Взяв друга за локоть, он строго сказал: — Здесь вам не публичный дом, Фарнесс.

Наглец не сводил с Камиллы масляных глаз.

— Вы же обещали, Смайт, что мы прекрасно проведем время в этом вашем клубе, — проворчал он. — Так не мешайте мне. — Он сделал шаг к Камилле. — Ты что же, та самая девчонка, которая в прошлом году сбежала из-под венца и оставила Фентона с носом? Я слышал, что ты здесь пристроилась. Плачу два шиллинга, если посидишь у меня на коленях, и три, если хорошенько поерзаешь.

Камилла высоко вскинула левую руку с растопыренными пальцами. Все девушки знали этот сигнал, которым она, увы, была вынуждена пользоваться чаще, чем кто-либо. Даже по утрам, в отсутствие толпы захмелевших гостей. «Вот они, беды огласки и погубленной репутации», — подумала она. К счастью, леди Хейбери взяла к себе в заведение не только девушек-помощниц, но и несколько здоровяков и силачей из числа бывших боксеров, которые пришлись в клубе очень кстати.

Краем глаза Камилла заметила приближение самого рослого из этих «спасателей», как они с девушками их прозвали. Только полный болван отважился бы протестовать, когда его выпроваживал за двери клуба мистер Джейкобс.

Снова повернувшись к негодяю, Камилла вдруг увидела, как прямо перед ней промелькнул чей-то кулак, в следующее мгновение врезавшийся в физиономию Фарнесса. Толстяк вскрикнул и плюхнулся на пол, устланный синим ковром.

— Когда я был в Лондоне в прошлый раз, — произнес над ухом Камиллы незнакомый баритон, — мужчинам и в голову не приходило наносить женщинам такие оскорбления. Могу лишь предположить, что вы, сэр, либо ошиблись, либо не мужчина.

И в тот же миг со всех сторон послышались возгласы: «Чертов Блэквуд!..» Примерно так же мужчины обычно восклицали, обсуждая исход самых немислимых пари.